

Наталья ЛОГИНОВА

На круги своя

Евгений Светланов открывает неизвестную музыку

Голос Евгения Федоровича напоминает чтение шекспировских сонетов Маршаком — не только и не столько тембром, сколько плавностью и мудростью, заложенной в каждой интонации, спокойной и окончательной уверенностью в правильности пройденного огромного пути.

— Музыка — это вознесение человека, его души. «Музыка должна приносить радость» — так когда-то я озаглавил свою статью. Даже печальная, трагическая — все равно она должна приносить человеку радость. Очищать от скверны.

— Вы показали в Москве программу, посвященную 50-летию Израэля. Когда будет записана симфония Эриста Блоха «Израиль», впервые прозвучавшая здесь?

— Может, кому-то это и удастся, но мне здесь записываться невозможно. Никто не хочет, нет денег.

— Вы же сделали серию «Все симфонии Малера» первым в России.

— Так это два года назад было, и помогли в той эпохее французы. Недавно я узнал, что небольшие партии дисков поступили и в Россию; это очень мило. Многое из Малера было мне так близко с юношеских лет, что я просто ждал момента, когда я смогу подступиться к его симфониям. И дождался, слава Богу.

— В свое время существовала негласная «процентовка» на общее количество евреев в музыкальных коллективах. Известно, что Геннадий Рождественский был вынужден покинуть Большой симфонический оркестр, отказавшись «почистить» оркестр. Стояла ли перед вами эта проблема?

— (Смеется.) Приходилось сталкиваться, но не в приказной форме. Я работал в филармонии, где был более умный директор — Белоцерковский; впрочем, я торчу там 43 года и видел много директоров. Однажды Белоцерковский, просматривая списки принятых в оркестр после очередного конкурса, немножко поворчал: «Опять все те же фамилии». Начал перечислять и дошел до Пивоварова. «О, вот это хорошо!» Я говорю: «Да, но его зовут Владимир Абрамович». Тут он не выдержал и захохотал, обратив все в шутку. Потом сказал: «Хорошие музыканты должны играть».

— А в Большом театре — не вставала эта проблема?

— Никогда, но если бы встала, то я бы повел себя так, как позже мой друг и коллега Геннадий Рождественский.

— Вы были на гастролях Мариинки в Москве?

— Нет, но я глубоко благодарен Валерию Гергиеву за то, что он дал мне осуществить мечту — вновь продирижировать «Псковитянкой» Римского-Корсакова, года три назад. Я был счастлив до безумия, потому что Большой театр все мои просьбы отклоняет.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, личные вкусы. Один человек, занимающий там большой пост, заявил мне: «Нам, Евгений Федорович, «Псковитянка» не нужна. Разве только ради вас». Я ответил: «Ради меня — не стоит. Я думаю, что это нужно театру — показать на Западе эту оперу наряду с шедеврами Мусоргского, как это делали Дягилев и Шаляпин». Забыли, что у Шаляпина было не два, а три русских шедевра — Борис Годунов, Досифей из «Хованщины» и Иван Грозный из «Псковитянки». Выпала из московской традиции «Псковитянка» — и все. А в Мариинке она идет и бережно сохраняется главным дирижером.

— Там хранится и старая «Хованщина» в декорациях Федоровского.

— Да, и это прекрасно. Это не консерватизм, а лишь уважение к тому, что сделано до нас великими художниками.

— О вас до сих пор ходят легенды, будто в консерваторские годы вы могли играть на рояле по перевернутой вверх тормашками партитуре, да еще со сдвигом на терцию.

— Чуть. Впрочем, я очень рад, что в ходу именно такие, лестные для меня мифы — могло быть и наоборот, правда? На самом деле у нас на курсе было что-то вроде «Беляевского кружка», где мы собирались у рояля и читали с листа «вредоносные» партитуры — Брукнера, Малера, Метнера. Страшные имена, и все кончаются на «ер», а не на «ов» и не на «ко» (смеется). Был момент, когда в представлении РАПМа — была такая Российская ассоциация пролетарских музыкантов — гонимых только два композитора, Бетховен и Мусоргский. Они были на стороне народа, в то время как остальные были гнилыми интеллигентами и подозрительными буржуа, а также князьями, графьями и так далее. Слава Богу, все это довольно быстро кончилось.

Сейчас тоже перекосы сплошные идут — но все вернется на круги своя, хоть мы и не доживем. Это диалектика, с которой, как и с дактилоскопией, спорить бесполезно.

— Как и на тему — легко ли вашему оркестру без вас.

— Когда фундамент надежный заложен, тогда есть гарантия, что дом выйдет хороший, крепкий. Когда поезд набрал определенную скорость по хорошему пути, он пройдет и будет идти. Я прилагаю все усилия для того, чтобы с оркестром работали самые лучшие дирижеры. К нам несколько раз приезжал Мазур, были Стерн и Менухин — все были довольны.

— Будете ли вы делать программу памяти Георгия Свиридова?

— В мои планы это не входит. Я иду своей намеченной дорогой — открывать новые прекрасные неизвестные сочинения.

— И вы не совершите приношение своему другу?

— Я сделал все, что мог. Когда у него был юбилей, я по собственной инициативе провел две программы, где исполнил все сочинения Свиридова. Он об этом даже не знал, пока я не пригласил его на репетиции. Это снято очень качественно, можно увидеть — если пленка не пропала, конечно. Так что моя совесть перед этим великим композитором чиста.

Сейчас я исполнил симфонию «Поэма о море» шведского классика Гёста Нюстрема, что было неожиданно для самих шведов — они его, будем так говорить, подзабыли, как и многих других: Альфина, Стенхаммера. Поскольку я являюсь почетным академиком Шведской Королевской академии, то мне и карты в руки; но я бы никогда этого не сделал, не понравься мне музыка. В этом отношении я безжалостный человек: что не отвечает моей душе, к этому я не прикасаюсь. Я уже заслужил это право в 70 лет.

— Помню, при подготовке первого «еврейского концерта» у вас на столе лежал Фейхтвангер. Значит ли это, что под господина Нюстрема вы читали Стриндберга, например?

— Нет, на этот раз я просто плывал на лодке, ловил рыбу, высаживался с женой на необитаемые острова — и это было прекрасно. Это и есть «Поэма о море».

— Как насчет российской музыки?

— Кое-что намечено совместно с квинтетом Бородина. Есть два сочинения, в которых занят квинтет в сопровождении симфонического оркестра. Одно из них принадлежит Льву Книперу, автору знаменитого «Полюшко-поле», а другое — замечательному моравскому композитору по имени Богуслав Мартину. Сейчас, повторяю: только новая прекрасная музыка, неизвестная миру.

Беседовал
Юрий РАКОВ